

Никита Самохин

ВОПРЕКИ

Стихи

Волгоград
2017

ББК 84(2Рос-4Вог)6-5
С17

Самохин, Никита Михайлович
С17 **Вопреки [Текст]: стихотворения / Н. М. Самохин.** — Волгоград: Издатель, 2017. — 120 с.

Красота родного края, размышления о его очень давнем и очень славном прошлом, о нравственном состоянии современного общества, порой вызывающем негодование и боль, — вот главные темы поэтического сборника «Вопреки» — третьей книги волгоградского поэта, потомственного казака, члена Союза писателей России Никиты Самохина.

Книга адресована широкому кругу читателей, самым внимательным из которых, «унылому забвенью вопреки», обязательно откроется по прочтении «забытая всеми глубинка забытой славянской души», столь проникновенно воспетая автором.

ББК 84(2Рос-4Вог)6-5

© Самохин Н. М., 2017

© ГБУК «Издатель», оформление, 2017

БЫЛОЕ НЕ УМИРАЕТ

Когда читаешь пейзажную лирику Никиты Самохина, возникает подозрение, что двух прошедших веков русской поэзии просто не было. Не было — и всё.

Грядёт зима — пора забвенья.
Вся степь готовится ко сну
И ждёт снегов прикосновенья,
Чтоб в их зарыться белизну.
И хутора живут зимою,
Уже давно считая дни,
Когда метель седой каймою
Украсит чахлые плетни.

Когда были сложены эти стихи? В середине девятнадцатого века? Вполне возможно. В конце восемнадцатого? Почему бы и нет? Ни единой нынешней приметы, ни единого словесного выверга, который мог бы нам подсказать, что автор — наш современник.

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Сгоряча подумаешь, будто Самохин вырос в срубе в скиту и не знает, что «теперь повсюду дирижабли летят, пропеллером ворча, и ассонансы, точно сабли, рубнули рифму сгоряча»? Да знает конечно же! Никита — образованный, начитанный человек.

Тогда что это? Стилизация? Ни в коем случае! Стилизация — прежде всего подражание, а Никита, смею уверить, самобытен. Просто ценность для него представляет лишь то, что прошло проверку временем. Веками, а то и тысячелетиями. А современность... Что современность? Сегодня была — завтра нету. Ну покажите мне дирижабль! Нет их, где-то, говорят, летают, пропеллером ворча, но сам

я не видел ни разу. А степь — вот она. И хутора. И плетни. И русская речь, которая, оказывается, и сейчас вполне способна обойтись без новоизобретённых побрякушек...

Стало быть, одна только любовь к золотому веку русской поэзии — и всё? Нет, не всё. Стоит стихам Самохина зародиться не в степи, не у костра, а так сказать, на стогах городских, возникает в них чувство невероятной тоски. Даже любимая его зима — и та меняет качества.

Опять несносная метель
Пришла на улицы пустые...

Он не любит город, ему тягостно в городе. Но тут уж ничего не попишешь, такова философия поэта: чем дальше человек от природы и от прошлого, тем хуже человеку.

Таков Никита Самохин. Таким его надо принимать. Или не принимать. Это уж как кому понравится.

Было бы, однако, нечестно умолчать о другой стороне его творчества. Вот тут он вторгается в современность самозабвенно, очертя голову. Занозистый юный бунтарь, опровергающий одну прописную истину за другой.

Зачем Китай скрывает пирамиды?
Их — сотни! Но молчит страна дракона.

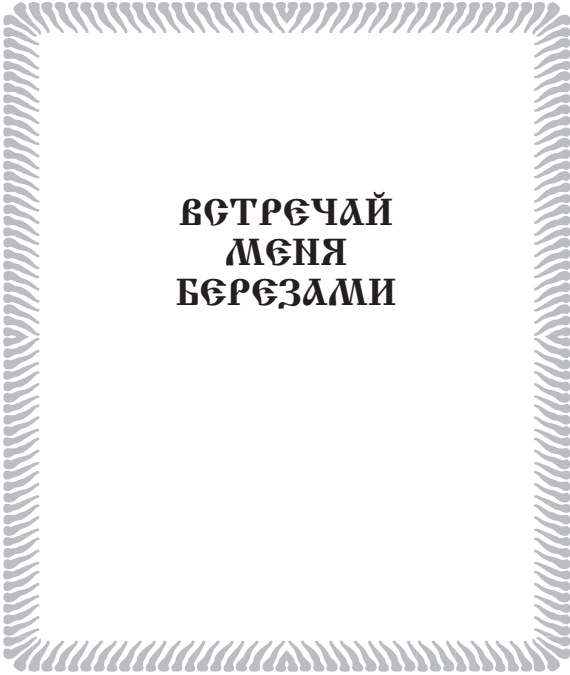
Или так:

Кто построил стену и когда,
И какая в том была нужда?

Не сомневаюсь, для Никиты это далеко не праздные вопросы. Но, на мой взгляд, его казалось бы простенькие старомодные пейзажи несут в себе куда более глубокую мысль, нежели оперённая рифмами полемика о том, против кого на самом деле возводилась Великая Китайская стена.

Думаю, со временем Никита-лирик. Никита-философ возьмёт верх над Никитой-публицистом. С надеждой жду этого времени.

Евгений ЛУКИН,
член Союза писателей России

**ВСТРЕЧАЙ
МЕНЯ
БЕРЕЗАМИ**

* * *

Растеклось на востоке утро,
Первым светом смывая тьму,
Как пшеничный сноп, златокудро
Зреет в юном сквозном дыму.

Но зорюют еще раины
В сладкой вязи последних снов,
И ковыль не поднял седины,
Чтоб узреть молодую новь.

Только сны не в ладу со мною,
Лишь порою мирит нас хворь.
Не прощалась она с луною
В предвкушенье медовых зорь.

* * *

Дремлет ветер. Недвижна занавеска.
Дремлет степь в удушливом плену.
Только россыпь мертвенного блеска
Травит душу пыльному окну.

Расползлось по хутору томленье,
Смазав марью шлях и курени.
И луна, обласканная ленью,
Улеглась на хрусткие плетни.

Тает ночка в куреве прозрачном.
Знать, к утру не сгинет пелена,
И зарю с безмолвьем буерачным
Мне встречать у пыльного окна.

* * *

Развиднялось. Денница скользила.
Шлях дышал запотевшей травой.
Пробуждалась палящая сила,
Окаймляя восток синевой.

Мне куга снова что-то шептала
У дремливой, безмолвной воды,
И ракита, склонившись, роптала
На уныние знойной чреды.

Льется память прозрачной рекою,
Будто гнулась ракита вчера,
Но все чаще дымятся тоскою
Не знававшие степь вечера.

* * *

Вечер грядет. Солнце к западу жметя —
Медленно катится к яме ночной.
Может, под звездами пекло уймется,
Вняв колыбельной росы неземной.

Только не сладить с палящею силой
Всем хладнопесенным звездным хорам,
Если зарю поднебесье вкусило,
Жалуя волю горячим ветрам.

* * *

Распахнулся апрель. Снова настезь ворота.
Пробуждается грязь в руслах сонных дорог.
И впивается ветер в кожурки болота,
Словно в белую стынь —
 свет рифмованных строк.

Только шкура груба после долгого плена —
Обернулась подошва дубовой корой.
И не сгинут никак стустки зимнего тлена,
Недовольные сретеньем с вешней порой.

* * *

Снова поле на рассвете
Наводнили голоса,
И на скошенном вельвете
Закиселилась роса.

Волглой прели поволока
Проняла сухую рань,
И на скатерти востока
Возлегла рудая стлань.

Поле в золоте захрясло.
Труд сплотил десятки рук.
Обнимает стебли вясло.
Сноп и ладен, и упруг.

Но пройдет заранок вскоре,
Заметя свои следы,
Чтоб воздвигнуть в желтом море
Завтра новый храм страды.

* * *

Грядет зима — пора забвенья.
Вся степь готовится ко сну
И ждет снегов прикосновенья,
Чтоб в их зарыться белизну.

И хутора живут зимою,
Уже давно считая дни,
Когда метель седой каймою
Украсит чахлые плетни.

